

13.8.98.

Пауле Раймонд

РАЙМОНД ПАУЛС: ПРЕЗИДЕНТ — ЭТО КУКЛА

Раймонд Паулс — фигура в истории советской культуры почти легендарная. Его имя гремело на всех широтах Советского Союза, потому что каждая его мелодия мгновенно становилась шлягером. Каждая его певица — звездой. Каждое выступление — триумфом. Даже во время долгого альянса с Пугачевой говорили только о влиянии (облагораживающем, между прочим) Паулса на Пугачеву, а никак не наоборот. Со времени распада империи он, как ни странно, не оказался в числе той огромной армии бывших звезд, оставшейся не у дел. Паулс остался Паулсом, несмотря даже на проживание в имперской провинции, несмотря на отделение этой самой провинции и превращение ее в маленькое, но гордое государство и последовавшие вслед за этим экономические, политические и прочие проблемы. Известность его только приумножилась, дела пошли еще лучше. Настолько лучше, что он пять лет был советником президента Латвии, а после этого даже создал свою партию, которая занимает сейчас четвертое место во всех политрейтингах страны. Не так плохо для Новой партии в стране, где таких еще двадцать одна. Последнее выступление композитора стало самым громким — Раймонд Паулс баллотируется в президенты. «Версия» не смогла остаться в стороне от этого знаменательного события, а потому отправилась в Ригу. Мы встретились на стройке в Верманском парке. Вокруг стучали топоры, грохотали прочие строительные инструменты, слышались выразительные переговоры рабочих. Самое подходящее место для будущего президента — в гуще, так сказать, электората. Впрочем, выяснилось, что строится музыкальный центр Паулса «Вернисаж», где потенциальный глава государства уже трудится в качестве президента.

АННА КОВАЛЕВА

Рига — Москва
Фото автора

— Ваша активная политическая деятельность означает то, что музыка кончилась?

— Музыка никогда не кончается. Бывают периоды в моей жизни, когда я оставляю ее надолго и занимаюсь совсем другими делами. Я уже не активный, так сказать, артист сцены. Возраст уже не позволяет прыгать особенно много. Но я всегда находил время для общественной работы: был и министром, и советником президента по культуре, но это не исключает того, что я могу сесть в кафе вечером за рояль и сыграть для своего удовольствия.

— А что вас заставляет заниматься политикой?

— Просто это мой характер. Когда я вижу, что что-то не идет как надо, не могу смотреть. Я должен вмешаться, залезть. Хотя я залез в такую грязь, что еще долго не отмоюсь. Все знают, что политика — это грязное дело, но все лезут туда, а потом их бьют и уничтожают.

— Вас уничтожили?

— Нет, меня не смогут. Только пресса давит постоянно. Но сейчас, когда дали журналистам волю, они ее используют, забывая о том, что есть какой-то потолок, выше которого нельзя идти. Очевидно, начитались западной желтой прессы и тоже начали издеваться над людьми. Обязательно нужно вспомнить советское время: что ты делал, где был, с кем встречался... Им любой ценой надо об этом писать, а что в принципе это дает? Ничего. Они добиваются одного: обидеть, ранить. Здесь надо быть очень сильным.

— Вы — сильный человек?

— Думаю, да. Практика очень большая.

— А какие обвинения против вас выдвигаются?

— Ну, например, «кабацкий музыкант лезет в политику». Или называют «ставленником коммунистов», поскольку я был министром культуры в советское время. Но никто всерьез не подумал, сколько я, может быть, хорошего сделал. Хотя, несмотря на все обвинения, я по своим рейтингам очень высоко нахожусь. Меня поддерживают и русские, и латыши. Хотя это ничего не дает. У нас же не народ выбирает президента, а сто человек в сейме. А их можно понабрать таких... Да у меня и нет такой цели — стать президентом. Если бы

это было моей целью, я бы тогда по-другому действовал.

— Как?

— Научился бы врать, обещать что-то, клясться, что вот я приду к власти, и все будет в порядке. Все эти обещания — вранье, но все это делают.

— А что говорите вы?

— А ничего. Если работать не будешь, ничего не будет. Глупо ждать, что тебе кто-то принесет счастье на блюдечке. Как правительство в этом может помочь? Дай бог, чтобы не мешало.

— Какова же должна быть роль президента и правительства?

— По нашей Конституции роль президента вообще маленькая. У Ельцина власти в сто раз больше. Он может принять, может уволить. У нас все решают парламентские дела, часто очень грязные. А президент — это кукла. Об этом спорят сейчас: нужно ли выбирать президента этим ста депутатам, почему они решают за народ? Во всем мире народ сам решает, какого иметь президента. Так что многие будут об этом сейчас ссориться.

— Но вы уже знаете, что нужно делать со страной?

— Латвия переживает кризис в международных отношениях. Очень много слабых точек, которые нужно было по-другому решать. Отношения

с Россией должны быть нормальными, такими же, например, как у России, скажем, с Финляндией. Но, когда я это сказал, меня начали ругать.

— Как вы думаете, почему «шпротная» война разгорелась именно в Латвии, а не в Литве или Эстонии? Проблемы лечения национального самосознания?

— Все зависит от того, кто в данный момент у власти. Сейчас это правые, и их правительство больше действует от указов какой-то партии, чем от здравого смысла. Поэтому так и получается. И антирусские настроения тоже предвыборная карта. Но ведь такие же группы есть и в России. В Литве национальный вопрос не может возникать, у них очень небольшой процент русскоговорящих, и им легко регулировать. Например, Бразаускас в свое время выдающимся русским деятелям давал и гражданство. В Латвии ситуация сложнее, потому что здесь латышей и русских половина на половину. Некоторые называют русских оккупантами, но слова тебе, Господи, что у нас никогда не доходило до каких-то кровавых событий. Я думаю, потому что большинство русских, которые здесь живут, или русскоговорящих, я не люблю это слово, лояльно настроены к Латвии. Они уже чужие для России, они здесь родились, здесь живут, и многие, надо сказать, живут очень хорошо.

— Когда вы будете президентом, будет проводиться какая-то особая политика по отношению к русским, живущим в Латвии?

— Эта фраза «вы будете президентом» мне не особенно по душе.

— Почему?

— Мне кажется, что я не буду. Это мое внутреннее ощущение, которое я для русской прессы могу высказать. Я думаю, что это слишком большая ответственность.

— То есть вам не очень хочется?

— Я был советником президента пять лет, я хорошо видел все эти процедуры и всю эту тяжелую работу. Это тяжелая работа — за каждое слово ты отвечаешь, эти вечные приемы, подготовка речей... Господи, я не знаю, может быть, это кому-то нравится, но я другого стиля человек. Я, если захочу, вечером пойду в кабак на фортепиано сыграю, какой уж из меня президент. Хотя вот Клинтон на саксофоне играет. Но если все-таки стану, то постараюсь урегу-

лировать отношения с Россией. Если говорить откровенно, нам нужны ваши туристы.

— В России сейчас разрабатывается национальная идеология. Националистические настроения в России будут выгодны латышам?

— Я давно у вас не был, но могу только сказать, что я за демократическую Россию. Любой национализм в любой форме, какой бы он ни был, всегда приводит к большому неприятию. Идеального варианта никогда не будет, возможны только компромиссы. Я думаю, что финны, у которых русские забрали Карелию — войны постоянно шли, — настолько умные, что никаких претензий к России не выдвигают. Я недавно видел по телевидению, что в среднем в Финляндию ездит семьсот тысяч русских туристов. Это для Финляндии миллионы. Нам тоже нужно так. Хотя, конечно, в России далеко не все могут себе это позволить. В России контрасты очень большие — очень богатые и в то же самое время эти нищие шахтеры. Очень жалко, когда видишь, что люди не получают деньги за свой труд.

— В Латвии нет таких проблем?

— Шахтеров нет, но есть проблемы в сельском хозяйстве. После всех этих колхозных дел очень тяжелое положение.

— И все-таки, если вы станете президентом, что вы будете делать для улучшения ситуации в том же сельском хозяйстве?

— Я-то могу очень хорошие идеи выдвигать, а парламент все задавит.

— Но в парламенте будет и ваша партия...

— Я не думаю, что мы займем какую-то серьезную нишу. Очень многие стараются, чтобы мы ничего не получили.

— Кстати, почему вы называете себя Новой партией?

— У нас совсем новые люди, которые в политике ничего не делали. Но зато каждый из них — великолепный специалист в своей области. Мы создали эту группу для того, чтобы поменять эту застоявшуюся воду, от которой уже запах идет. Очень сильный приток. В парламенте нужны новые мозги. Но в Латвии уже сейчас двадцать одна партия. Можете представить, какая будет каша в этом парламенте? Опять начнется дележка этих всех постов, опять нормальной работы не будет.

– Как-то это слишком пессимистично...

– Да нет. В нормальной стране должно быть три-четыре партии. Но не в правительстве: сейчас члены правительства советуются с партией, а потом принимают решения. Я давно говорю, что членам правительства надо отказаться от членства в партии. В 34-м году президент Латвии Ульманис сказал, что сделает переворот. Но его можно оправдать, потому что было еще больше партий, чем сегодня, и он прекрасно видел, что хуже уже некуда: парламент не действовал, там происходили только ссоры и скандалы.

– А вы способны на переворот ради спасения Латвии?

– Нет. Сегодня об этом и думать не надо. Надо официально дать больше прав президенту и запретить создавать партию любому, кто этого захотел. Дошло до того, что один прибежал за пять минут до закрытия избиркома, и все равно приняли.

– Но это же ограничение гражданских прав.

– Знаете, что Черчилль сказал про демократию? «Самое глупое, что люди придумали, но лучшего никто не изобрел». Не должно быть вседозволенности. Все зависит от уровня культуры, от уровня развития человека. Культурный человек не позволит себе обзывать другого человека противными словами или обидеть: ему не позволит его сердце. А у нас же делается черт-те что, и все во имя демократии. Вот недавно в газете шумиха была: полиция арестовала ребенка, что это такое, безобразие. А ребенок нищенствует. Они пришли и спросили: «Почему ты не в школе?», а потом увезли, чтобы выяснить. Кто-то же должен проверять, почему ребенок не идет в школу. Им лишь бы крик поднять. Рижские газеты тоже утверждают, что независимые. Это вранье. Все идет от тех, кто их финансирует. Когда узнали, что я буду баллотироваться в президенты, одна центральная латвийская газета в течение двух недель каждый день публиковала грязные письма в мой адрес. А мне говорят, что они честные. Нет таких честных.

– Нет желания свести счеты?

– Всю жизнь держался одного принципа – не отвечать. Потому что он ждет реакции. Чтобы я написал: «Зачем ты меня трогаешь, я хороший, я, между прочим, народный артист Советского Союза». А мне некогда, у меня работа есть. Я говорю: «Ты написал, ну молодец, пиши дальше». И он обезоружен.

– Если в Латвии президентом будет композитор, что изменится для культуры?

– Ничего. Я ничего не смогу сделать. В Латвии президент ничего не решает.

– Но тогда для чего же он нужен?

– Встретить другого президента, послов. Может остановить какой-то закон, но, по-моему, только один раз – и это все. Бразаускас, когда уходил с поста президента, сказал: «Меня выбрал народ, но власти я не имел».

– Не хотите изменить полномочия?

– Нет. Я опять вам отвечаю, что это не цель моей жизни. Если бы это было так, я бы вам здесь какие-то программы показал, начал бы умно с вами разговаривать... Но я представитель артистического мира, если можно так сказать. Это моя профессия. Потому я и сейчас о политике говорю как дилетант.

– Так долго занимаетесь политикой и все еще дилетант?

– Я был советником президента, ну и что? Какая моя роль была? Я устраивал связь между президентом и культурным миром Латвии. Советовал посмотреть какой-то спектакль, а потом выйти на сцену и поздравить актеров или принять их во дворце, рассказывал, что такому-то театру грозит банкротство или известная актриса ведет нищенский образ жизни. Разве это политика? Я не лез в политические скандалы, не принимал никаких решений. Хотя в списке популярных политиков всегда был наверху.

– А что вы можете сделать, не будучи президентом?

– Да хотя бы этот центр. Это все-таки большой объект. Я несколько раз в году выступаю как музыкант. В «Вернисаже» у меня большое преимущество, потому что здесь я – хозяин помещений, я – президент. Я сам решу, кому давать возможность выступить, кому нет.

– Значит, быть президентом вам все-таки нравится?

– Это не то, чем можно гордиться.

– А чем можно?

– Тем, что у меня уже колоссальный опыт. Я на сцене с тринадцати лет, сейчас мне шестьдесят два. Прошел огонь и воду, и ничто не может выбить меня из седла. Если уж я с Пугачевой выдержал – значит, многое выдержал.

– Тяжело было?

– Я смеюсь. Что было, не скажу. Мы были молодыми, но это был тяжелейший период, что тогда вокруг делалось! Было очень много хорошего, но была и страшная идеологическая удавка, когда нас всех чуть ли не роботами сделали, чтобы мы в одном направлении работали. И тем не менее были хорошие спектакли, концерты, артисты. Но все было покрашено красной краской. Ни моей дочери, ни внукам это уже абсолютно непонятно. Они привыкли – вот я сегодня пойду на дискотеку, там будет американская музыка, по радио звучит все, что хочешь. Но те же времена были другие. Мы даже думать об этом не могли.

– А подо что вы танцевали в молодости?

– А я так и не научился танцевать. Я же сам играл на танцах. И сейчас не танцую. За всю жизнь, по-моему, один раз с Пугачевой танцевал в Москве.

– Ваша жена не обижалась, что вы с ней не танцуете?

– Ну, она уже меня прощает, все-таки мы уже сорок лет вместе. Она каждое утро спрашивает: «Будешь ли кофе?», а я уже сорок лет отвечаю: «Да, буду». Мне очень приятно, что у нас так. Мало кто выдерживает такой долгий срок.

– А как она относится к тому, что ее муж станет президентом?

– Не хочет.

– Почему?

– Она понимает, что надо будет от всего отказаться, залезть в эту резиденцию, постоянно быть готовым ко всяким конфликтам. Каждое твоё слово каждый может использовать, как ему выгодно. Я стараюсь говорить то, что думаю, а не какую-то фальшь. Я привык быть свободным. А президенту этого нельзя.

– Ходят слухи, что в недавнем скандале с маршем эсэсовцев вы поддержали эту акцию. Это правда?

– Я только сказал, что СС – тоже история Латвии. Хотим мы или не хотим, но это было: одна часть латышей воевала на стороне Красной Армии, другая – на немецкой. Я не могу сказать, что этого не было. Те старики, которые там собрались, связаны с этими двумя буквами «СС». Сегодня никто не поверит, что многие из этих ребят были силой взяты в армию, что их никто не спрашивал. Я на стороне тех, кто сказал, что, если эти две буквы сегодня неприятны для мира, тогда ничего не надо делать. Соберитесь где-то в своей квартире и отмечайте. Ну что теперь с ними

делать, им же всем по семьдесят-восемьдесят лет.

– Вообще-то они – военные преступники...

– Правильно, но, может быть, эти люди могут доказать, что они не убивали. Конечно, они не должны были устраивать этот митинг. Что я поддерживаю? Как я могу поддерживать кого-либо, когда один брат моего отца был комсомольцем и погиб у Наро-Фоминска в 1941 году, а второй оказался в немецком лагере. Хотя это не СС, но тоже немецкая армия. Винить здесь надо эти два кровавых режима, войну.

– А как вы думаете, сейчас возможен вооруженный конфликт между Россией и Латвией?

– Нет, никогда!

– Почему?

– Очень просто. Вы думаете, сегодня нормальный человек сам себе подпишет смертный приговор?

– Была же Чечня.

– Чечня – это мусульманский мир. Россия и Латвия – совсем другое. Я уверен, что войны не будет, потому что это не нужно ни России, ни нам. Одна Псковская дивизия может пройти Латвию за десять минут. Что у нас армия какая-то великая? Да я не вижу причин даже.

– А как же шпротный конфликт?

– Да обидно даже. Вот вы сами сказали, что это «шпротная война». А что шпроты? Шпроты вкусные. Но на Западе их не кушают, их покупают только в России. Значит, надо было торговаться, улаживать проблемы. Это бизнес, так же как все остальное: газ, нефть, транзит... Войны не будет. Процент тех, кто ее хочет, невелик, и нормальные люди с этим справятся.

– А кто из российских политиков, претендующих на президентское место, кажется вам наиболее опасным: Лужков, Черномырдин, Лебедь?

– Не вижу ни одного опасного. Я думаю, это просто предвыборная игра в защиту русских, живущих в Латвии. Каждый из них хочет быть президентом и для этого использует свои козыри: национальный вопрос, шахтеры, Чечня, Латвия. Вы знаете, мне кажется странным, что говорят о Латвии, но не говорят о Таджикистане. Почему так? У нас не воюют. А что делается там? И все нормально, никто об этом не кричит. Вот это уже политика.

– А что для вас Россия?

– Я, когда летел из Японии в Хельсинки, десять часов летел над Россией, и тогда я понял, какая это великая страна, если ты летишь десять часов над одной страной. Для меня лично Россия – это музыка. Целый ряд гениев музыкальных. Я не вижу никаких причин, чтобы от всего этого отказаться. Мы уже дожили до того, что приезжает русская певица и говорит: «У вас можно петь Чайковского?» Мы вообще обалдели. Вот до чего доводят политики вместе с

прессой, конечно.

– Кто из российских политиков, на ваш взгляд, наиболее приемлем для Латвии в качестве партнера?

– С любым можно найти общий язык, даже с Жириновским. Но это должны быть переговоры, а не силовые решения. Ни автомат, ни атомная бомба ничего не решат. Черномырдин представляется серьезным, я бы сказал, культурным человеком. Я не видел никогда, чтобы он кричал или какие-то глупости говорил. Зато Лужков очень сильный организатор глобальных, строительных дел. Он имеет большую популярность в Москве, но он более резок, иногда высказывает вещи, которые ему не надо было бы говорить. Как человек, занимающий очень высокий пост, он не имеет на это права. В мире дипломатии это не принято. Но тем не менее я думаю, что он имеет очень большой авторитет и он поддерживает много культурных проектов. Всегда с интересом смотрю на Лебеда. Очень колоритная фигура. Но одно дело, человек до выборов, а другое – когда он уже у власти.

– А каким станет президент Раймонд Паулс?

– Если я стану... Я не хочу прийти к власти!!! Не хочу!

– Тогда зачем вы вообще пошли на это?

– Нашей партии надо было выдвинуть видимую фигуру. Меня попросили оказать поддержку людям, с которыми я иду на выборы. А каким я стану? В жизни все можно изменить. Я не могу предвидеть, что будет дальше. Политика – такая вещь: сегодня ты – наверху, а завтра ты – никто. Но у меня есть свое дело, потому я и спокоен. Очень многие рвутся к власти, чтобы получить теплое кресло. А мне это не нужно. Если я пройду не как президент, а как депутат, то буду драться, чтобы побольше денег дали бедным артистам, художникам, музыкантам, чтобы хоть какая-то помощь была.

– А латвийские артисты нуждаются в помощи?

– Я думаю, артисты не живут сейчас. Они, так, тянут жизнь.

– Это и о вас можно сказать?

– Если бы я только играл на рояле, жил бы также плохо. Но я сейчас – средний уровень, средняя волна, средняя часть. В любом государстве этот средний уровень должен быть главным. Тогда страна может сказать, что она стабильна. А у нас этого нет, и, по-моему, в России тоже. Есть или верх, или нищета... А я в состоянии содержать семью, у меня нормальный уровень зарплаты.

– А что вы можете себе позволить?

– Все.

– А что вы хотите?

– Ничего.

– Так не бывает.

– Мне не нужны развлечения. Са-

мое главное, чтобы я мог что-то делать. Плохо будет, когда руки начнут трястись, ноги тоже, тогда все к черту полетит. Я не люблю, например, за границу ездить. Недавно купил в селе брошенную школу, устраиваю иногда там какие-то музыкальные праздники. Это мои развлечения.

– Но это все работа, а отдых как же?

– Я отдыхаю, когда работаю. Всегда есть чем заняться. У меня же хозяйство, дом, сейчас реставрирую громадную квартиру в центре Риги, буду ее переделывать полностью.

– Не обидно, что вас называют «кабацким композитором»?

– А я не стесняюсь этого. Все, что я писал, исполняли во всей России. Мои мелодии были популярными, их играли, их заказывали, я в этом не вижу ничего плохого. А что, кабак – плохое место? Да, я пишу в легком жанре, это моя стихия, я не переживаю, что я не серьезный композитор. Я не умею симфонии писать, а мне этого и не надо.

– А когда от вас уходят звезды?

– Это совершенно нормально.

– Отношения портятся?

– Они живут своей жизнью, я своей. В таких расставаниях я не вижу никакой трагедии. Было и прошло...

– Говорят, что у вас личные отношения с каждой «подшефной» звездой...

– Это абсолютная неправда. Я мог бы и соврать, но я другого плана человек, мне это не нужно. У меня сейчас опять новая певица, красивая женщина, она ко мне приезжает репетировать, значит, опять будут говорить. Наш мир, он всегда был в центре внимания журналистов. Посмотрите на мировых звезд, вокруг них беспрерывно идет эта грязная возня. А что с Клинтоном сделали...

– Политика – это грязное дело, более грязное, чем шоу-бизнес?

– Любый бизнес – грязное дело. Все решают деньги. Шоу-бизнес доходный, но очень опасный. Там никогда не волнуешь твой талант, из тебя выжали все – и спасибо. Даже спасибо не всегда скажут.

– Не боитесь, что это произойдет с вами?

– Нет, я ведь не стремлюсь к этим играм. Я всегда твердо знаю, что я могу делать, а чего нет. Можете себе представить, если бы я вышел на сцену и начал прыгать с каким-то ансамбликом. Вот я вечером сажусь у рояля, и это мое место.

– Оно делает вас счастливым?

– Меня радует, когда какая-то моя выдумка доводится до реальности. Потом я быстро переключаюсь, потому что для меня важен этот процесс доведения до конца. Когда уже сделано, вот все открыто, приняли, сыграли или премьера, – все, до свидания, мне это уже не интересно, надо приступать к следующему.

Если уж я
с Пугачевой
выдержал
– значит,
многое
выдержал